ЗОЛОТУХИН Иван Николаевич

канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований, ДВФУ (г. Владивосток)
Электронная почта: zolivnik@mail.ru

Россия в меняющейся мегарегиональной структуре Евразии

УДК 327

doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-2/48-57

Азиатско-тихоокеанский регион, Индо-Тихоокеанский регион, Большая Евразия, регионализм, геополитика, Россия, интеграция

Внешнеполитическая деятельность, направленная на редуцирование сложностей международной среды, в стремлении сделать её проявления более управляемыми обуславливает формирование и развитие региональных общностей, которые обладают своеобразием геополитических, экономических, цивилизационных характеристик. В статье рассмотрены особенности функционирования региональных процессов Азиатско-Тихоокеанского, Индо-Тихоокеанского пространств и Большой Евразии как проектного региона. Отдельное внимание уделяется интересам, позициям и инициативам России в трёх региональных пространствах, а также её встраиванию в существующие региональные структуры и положению в существующей системе координат региональной политики.

Пространственный фактор является ключевой составляющей теории и практики международных отношений, поскольку территория издревле выступала обязательным атрибутом и базовым ресурсом социальных общностей. С возникновением государства конфликты за господство над территорией приобрели самодовлеющий характер, нередко приводя к военным столкновениям. Параллельно география обуславливала развитие хозяйственных связей, в том числе торговых путей и международных рынков. Местоположение имело значение в формировании крупных территориальных единиц, в основе которых лежала историко-культурная общность. Развитие человечества привело к усложнению конфигурации мирового пространства и вызвало необходимость управления и упорядоченности пространственных процессов.

Возникла потребность как в концептуализации стремления отдельных государств к мировому господству (что привело к рождению геополитики как системы знаний о контроле над пространством), так и в функционировании пространственных общностей (что повлияло на выделение региона как объекта политического анализа). Необходимость выделения регионального уровня международных отношений побудила особый интерес исследователей к проблемам регионализации и формирования новых подсистем.

Понятие «регион» прочно вошло в научный обиход и стало активно применяться в практике международных отношений. В то же время вопрос о региональных подсистемах между-

Для цитирования:
Золотухин И. Н. Россия в меняющейся мегарегиональной структуре Евразии // Известия Восточного института. 2019. № 2. С. 48–57.
doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-2/48-57

народных отношений остаётся дискуссионным не только в силу условности регионального деления мира и отсутствия общепринятого понятия «регион», но и по причине усложнения функционирования планетарных международных процессов. Сам факт возникновения региона фиксируется как результат процессов регионализации, регионализма, регионостроительства, которые могут быть как взаимосвязанными и проистекать параллельно, так и опережать друг друга [7, с. 36-41]. Существование региональной общности во многом зависит от деятельности международных акторов, характера их взаимодействия, а также их отношений с внешним миром. Зачастую именно влияние сильного игрока или игроков определяет ход региональных процессов, что можно проследить, в частности, на примере ряда больших региональных структур (метарегионов).

В настоящее время лидерство в мировой динамике развития сохраняет Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), представляющий собой пример общности, возникшей в результате процессов экономической интеграции, ставших триггером регионализации. Термин был предложен американцами, но складывающаяся с 1960-х гг. экономическая взаимозависимость стран, расположенных по периметру Тихого океана, привела к институционализации региональных связей в виде Форума АТЭС, НАФТА, Форума Тихоокеанских островов (до 2000 г. – Южно-Тихоокеанский форум), АСЕАН+, ВАС, АРФ, а также зон свободной торговли (ЗСТ). В то же время в АТР, в силу его разнородности и географической протяженности, не сформировалась целостной институциональной платформы, как, например, в Европе, хотя очевидна тенденция к усилению взаимодействия и взаимовлияния разнообразных субъектов интеграции в рамках азиатско-тихоокеанского пространства. В АТР существуют различные уровни интеграции, многие из которых взаимно пересекаются. Одно и то же государство одновременно имеет членства в нескольких интеграционных группировках. Например, Япония является членом АТЭС, ВАС, имеет статус диалогового партнёра и соглашение о свободной торговле с АСЕАН.

Одним из ключевых проявлений региональных характеристик является причудливое сочетание тенденций на укрепление трансконтинентального сотрудничества и интеграционных инициатив с сохранением соперничества национальных государств и существующих между ними противоречий (зачастую в форме застарелых конфликтов). Многочисленные разноуровневые мероприятия, направленные на формирование в регионе благоприятной среды, предотвращение кризисных ситуаций и эскалации насилия, а также борьбу с традиционными и нетрадиционными угрозами безопасности демонстрируют в лучшем случае ограниченную эффективность, а панорама проблемного поля Пацифики по-прежнему определяется столкновением интересов великих держав, наличием реликтов холодной войны, перманентным обострением внутривнутриполитической обстановки в странах по обеим сторонам Тихого океана, милитаризацией и нагнетанием атмосферы недоверия в регионе.

Сложность и противоречивость международной среды в масштабах регионального пространства требует особого внимания к ним со стороны государств, позиционирующих себя или традиционно считающихся ведущими акторами в политических и экономических процессах. Доминирующие позиции в регионе занимают Китай, Япония, США, которые, по мнению Такахаси Сираиси, определили характер и уровни региональной интеграции: макроэкономический и политиче-

ский (США), микроэкономический (Япония), китаецентричный [10, р. 130]. Во многом их действия влияют на ход экономических процессов и определяют устойчивость архитектуры безопасности в АТР, однако современное положение дел в регионе показывает, что единые решения лидеров сопряжены с рисками дестабилизации, тем более что между ними сохраняются нерешенные политико-стратегические вопросы (тайваньская проблема, ситуация на Корейском полуострове, торгово-экономические противоречия).

Растущий Китай вызывает озабоченность США и Японии, являющихся членами военно-политического альянса. Колоссальный экономический потенциал Поднебесной превращает её в центр глобальных процессов, помогает продвигать «китайскую мечту» и отстаивать геополитические интересы. Особое недовольство США вызывают действия Китая в Южно-Китайском море и вокруг северокорейской ядерной проблемы. Американцы осознают, что конкурировать с усиливающимся в технологическом и военном отношении Китаем довольно сложно, но Вашингтон продолжает предпринимать шаги, нацеленные на сохранении гегемонии США как оплота глобального миропорядка.

В этом отношении ситуация в АТР показательна: американцы покровительствовали регионализации и регионализму, став главными потребителями азиатских товаров и поддерживая региональные институты как оплот экономической либерализации и проводники американских интересов. Однако в дальнейшем, разочаровавшись в эффективности АТЭС и структур безопасности АСЕАН, США начинают укреплять двусторонние отношения с тихоокеанскими партнёрами и инициируют создание альтернативной модели ЗСТ – Транстихоокеанского партнёрства (ТТП), нового и, как подразумевалось, более эффективного инструмента экономической либерализации, призванного расширить степень взаимодействия с партнёрами по военно-политическим альянсам и подчеркнуть ведущую роль США в АТР. Впоследствии, отказавшись от ТТП как слишком затратного инструмента сдерживания Китая, США делают ставку на концепт СОИП (свободной и открытой Индо-Пацифики), о котором речь пойдёт ниже. Китай, в свою очередь, благодаря трансконтинентальным инфраструктурным по форме, но стратегическим по значению проектам «Один пояс один путь», сумел разорвать геополитические планы Вашингтона и выйти за пределы АТР.

Вовлечение России в самый динамично развивающийся регион планеты происходит с опозданием как в силу особенностей внешней политики СССР в период биполярного противостояния, так и из-за сложной международной обстановки на восточных рубежах нашей страны. После распада СССР и прекращения холодной войны одним из основных приоритетов внешней политики России был провозглашён курс на интеграцию в мировую экономическую систему; одной из составных частей данной стратегии рассматривалось присоединение к структурам АТР. Показательно, что в 1994 г. между Россией и АСЕАН были установлены отношения консультативного партнёрства, хотя очевидных экономических предпосылок к этому не было. Одной из причин такого шага стал опыт СССР/России в урегулировании камбоджийского кризиса [3]. С 1996 г. Россия становится официальным партнёром по диалогу АСЕАН. Очевидно, что Россия вос-

принималась членами АСЕАН прежде всего как гарант безопасности в регионе.

В АТЭС Россия попала в 1998 г. после трёхлетнего ожидания, причём на положительное решение о приёме нашей страны в числе членов форума повлияли США, Японии и КНР, руководствовавшиеся преимущественно политическими соображениями. Китайцы видели в России политическую поддержку в противостоянии американо-японскому альянсу; американцы ожидали, что членство России в АТЭС облегчит её интеграцию в международную экономическую систему и будет способствовать углублению рыночных реформ (и, как следствие, демократизации); японцы надеялись на благоприятные условия в решении территориальной проблемы.

В начале XXI века высшее политическое руководство страны взяло курс на значительное повышение активного присутствия России в АТР. Но, несмотря на ряд обнадеживающих тенденций последних лет, следует признать, что РФ все ещё находится на периферии интеграционных процессов в регионе, выполняя преимущественно роль сырьевого придатка азиатско-тихоокеанской (прежде всего китайской) экономики.

Стратегические преимущества России в АТР выражаются в наличии у нее уникальных возможностей для реализации энергетических и транспортных проектов, реализация которых становится важным фактором повышение уровня развития российского Дальнего Востока (РДВ) и создания условий для его эффективной международной интеграции. В то же время участие в международных интеграционных процессах подразумевает как минимум восприятие российской политической элитой дальневосточных территорий не просто как проектной зоны, но как объекта стратегических интересов нашего государства с учётом существующих угроз и возможностей. Кроме того, без комплексного решения социальных, демографических, инфраструктурных проблем Тихоокеанская Россия рискует очутиться на задворках интеграционных процессов в АТР.

Для укрепления своего влияния и реализации долгосрочных интересов в АТР России необходимо расширять сотрудничество с региональными игроками, способными выступить балансом в отношении к растущему Китаю. В противном случае Россия рискует попасть под политическое влияние Поднебесной. Нельзя исключать возможности встраивания дальневосточных территорий России в конфигурацию большой геополитической игры с участием Китая и США. В этом случае перед российским руководством встанет непростая задача обеспечения политической и экономической стабильности на тихоокеанских рубежах. Кроме того, Москве придётся проявить дипломатическую виртуозность, чтобы обезопасить свои интересы в АТР и выработать привлекательный для региональных держав курс, основанный на общем видении проблем безопасности и сотрудничества.

В начале XXI века стала ощущаться более тесная взаимосвязь между Индийским и западной частью Тихого океана, обусловленная растущей зависимостью бурно развивающихся восточноазиатских экономик от углеводородов петрократий Персидского залива и минерального сырья африканских стран. С другой стороны, актуализируются проблемы безопасности, связанные с вооружённым разбоем на трансокеанических магистрях и терактами в странах ЮВА. Ещё

одной из причин появления неологизма «Индо-Пацифика» стало усиление морской мощи Китая и его активизация в Индийском океане (укрепление сотрудничества со стратегическим противником Индии Пакистаном, а также с Мьянмой, Шри-Ланкой, Мальдивскими островами, Бангладеш), что вызвало тревогу со стороны Индии и дало основания американцам заявить о выстраивании Пекином «нити жемчуга» как стратегии китайского экспансионизма.

Термин «Индо-Пацифика» пришёл из биогеографии в международные отношения в 2006 г. и означал целесообразность укрепления сотрудничества между Японией и Индией на фоне растущих геополитических амбиций Китая. Вскоре был запущен четырёхсторонний диалог безопасности (Quad) – США, Япония, Индия, Австралия, просуществовавший недолго. В 2013 г. в «Белой книге по обороне» Австралия стала первой страной, официально назвавшей себя частью Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) [9]. С приходом к власти администрации президента Трампа данная идея становится краеугольным камнем американской стратегии, затмив обамовскую «ребалансировку». Главное значение здесь отводится механизмам регионостроительства, а основная цель проекта – политическое и военно-стратегическое сдерживание Китая [5] (то, чего не удалось сделать в АТР). Строительство Индо-Пацифики по-американски чем-то напоминает формат «hub and spokes» (ступица и спицы), который Вашингтон апробировал после Второй мировой войны, поддерживая отношения со своими военно-политическими союзниками в АТР. США делает ставку на укрепление двусторонних (в первую очередь с Индией) и многосторонних форматов сотрудничества (например, АСЕАНоцентричных, имеющих опыт и достижения в осуществлении и координации трансконтинентального сотрудничества и механизма диалоговых форматов в решении проблем безопасности, а также обладающих поддержкой со стороны влиятельных держав и международных организаций), но американская версия Индо-Пацифики не предполагает однозначного доминирования США на географическом пространстве от мыса Доброй Надежды до Алеутских островов; конструируя новую региональную реальность, США делают ставку на «свободную и открытую Индо-Пацифику», инклюзивный по форме проект, учитывающий разные интересы и множественный состав участников широкого географического ареала.

Таким образом, Индо-Пацифика рассматривается как результат разрастания АТР, но здесь, несмотря на крепнущие экономические взаимосвязи двух пространств, большое значение уделяется стратегическим вопросам и безопасности. Формально, судя по названию, ИТР означает усиление позиций Индии на международной арене, что не снимает с повестки дня инициативы Китая в Индийском океане и стремление Вашингтона сохранить баланс сил за счёт поддержки держав среднего уровня перед лицом вероятной китайской угрозы.

Действия Китая в Индийском океане прежде всего являются отражением стратегии выстраивания метарегиональных связей на основе транспортно-логистических сетей и коридоров. В отличие от жёстких рамок американского варианта Индо-Пацифики, в котором большое значение имеет военная мощь Вашингтона, квинтэссенция китайского доминирования зиждется на экономике, хотя, бросая вызов американским и индийским интересам, тем самым Китай стремится

обеспечить безопасность своим проектам и противостоять военно-политическому давлению.

ИТР – это геополитическая конструкция метарегиона, в котором мощь Китая может быть купирована не столько укреплением связей Индии с тихоокеанскими партнёрами и усилиями США реанимировать формат Quad, сколько географическими масштабами последнего, в котором проблемы безопасности приобретают большую остроту, чем в АТР (здесь можно назвать и индо-пакистанскую проблему, и Афганистан, и целый комплекс ближневосточных конфликтов). С другой стороны, ИТР, как и АТР, может оказаться «рубашкой на вырост» для Китая, и со временем Пекину удастся стать здесь ведущей силой, хотя, учитывая тот факт, что США превосходят остальные страны в создании геополитических конструкций, концепт Индо-Пацифики может быть не последним.

Наконец, «конкуренция проектов», в основе которых заложены гегемонистские интересы, грозит обернуться конфликтом, что создаст ещё больше проблем и непредсказуемости в сложном с точки зрения международной безопасности регионе. В этом аспекте партнёрство с Индией, как полновесной фигурой, обладающей высокими темпами экономического развития и наращивающей военную мощь, является ключевым для обеих держав. Следует сказать, что без участия Индии ни США, ни Китай не способны укрепить свои позиции в акватории Индийского океана, а тем более создать прочный каркас метарегиональных отношений. В перспективе Дели способен сыграть регионообразующую роль, если решит свои внешнеполитические и внутренние проблемы.

Интересы России в ИТР, на мой взгляд, обусловлены необходимостью расширения международного сотрудничества, что позволит изыскать дополнительные возможности для укрепления позиций в мире, а при удачном стечении обстоятельств и улучшение внешнеполитического имиджа. Даже при сильном давлении США на Индию, страны Персидского залива и ЮВА Россия сохраняет шанс использовать выгодное географическое положение «северных ворот», через которые в ИТР будут поступать ресурсы из Арктики. Немаловажными для России остаются перспективы эксплуатации Севморпути. При этом у России есть редкая возможность не опоздать со своими инициативами (как в случае с АТР) и предложить собственную концепцию Индо-Пацифики, желательно связанную с концепциями Индии и АСЕАН и позиционирующую Дальний Восток России как привлекательную для инвестиций территорию, а морскую трассу Владивосток-Ченнай как альтернативный маршрут поставок энергоресурсов [8]. ИТР имеет значение в аспекте реализации мегапроекта Большой Евразии, выдвинутого российскими экспертами Валдайского клуба и ВШЭ Сергеем Карагановым и Тимофеем Бордачевым, о которой речь пойдет ниже [6].

В то же время России, связанной обязательствами стратегического партнёрства с Китаем, следует избегать вовлечения в конфликты и стремиться подчёркивать свободный и открытый характер сотрудничества в ИТР, акцентируя внимание на соблюдение международного права и принимая активное участие в работе многосторонних региональных структур, таким образом, способствуя и укреплению их авторитета.

Вероятно, проект Большой Евразии должен был появиться именно в России, прежде всего в силу её уникального географического расположения в центре континента, о котором писали ещё классики геополитики (Х. Макиндер, К. Хаусхофер, П. Савицкий, А. Едрихин (Вандам)). В настоящее геополитическое положение России (между развитыми экономическими центрами мира) и её статус великой державы (в силу ряда факторов, таких как постоянное членство в Совбезе ООН и участие в огромном количестве международных организаций, наличие ядерного оружия и военная мощь, колоссальные территориальные и природные ресурсы, а также существенный демографический потенциал) предполагают сохранение активной роли в международной политике. С другой стороны, евразийское пространство – разнородное и сложное как по географическим характеристикам, так и по составу участников, а кроме многочисленных форматов сотрудничества и интеграционных структур, здесь наличествуют масштабные конфликты и основные очаги международной напряженности. Возрастает геополитическое и геоэкономическое влияние Китая, при продолжающемся активном вмешательстве США в экономические и политические процессы Евразии.

Для России расширение сотрудничества на евразийском пространстве позволит не стать мировой периферией, а инициатива Большой Евразии содержит положения в русле полицентричной парадигмы, которые отводят России роль архитектора нового суперрегиона. Сообщество Большой Евразии подразумевается как центр мировой экономики и политики, открытый для международного взаимодействия, где Россия способна реализовать свои экономические, цивилизационные, дипломатические, военно-политические преимущества. Россия видится важным звеном в трансконтинентальной транспортной инфраструктуре, в том числе по направлению «Север-Юг». Обладая культурным многообразием и своеобразием, Россия призвана играть центральную роль в налаживании и воссоздании культурного взаимодействия в Евразии, а также может выступать геополитическим балансиrom между азиатскими гигантами (Индией и Китаем). Благодаря дипломатическому мастерству и военно-политическому весу Россия может быть посредником и арбитром в международных конфликтах (пример – ситуация вокруг Сирии) и в целом выступать ведущим поставщиком безопасности в Евразии. Наконец, России отводится важное место в будущем общевеэразийском пространстве развития, сотрудничества, мира и безопасности, открытом для остального мира и отрицающем любые формы универсализма [4]. По мнению профессора В. Аникина, Большая Евразия могла бы стать неким полигоном для отработки модели устойчивого многополярного мироустройства, основанного на конструктивном диалоге и партнёрстве цивилизаций [1].

Масштабность мегапроекта показывает, что справиться в одиночку с его воплощением невозможно. Именно в силу своей масштабности он подразумевает многопроектность входящих в него международных акторов, готовых идти к созданию континента общей судьбы. Россия, как уже отмечалось, способна предоставить территорию для оптимальных сухопутных маршрутов, выступать в качестве поставщика уникальных природных богатств высокого уровня переработки и с применением продвинутых технологий, выполнять посредни-

ческие функции в решении международных конфликтов. Большую роль для реализации российского концепта играет согласованность действий с соседями и членами таких организаций, как СНГ, ЕАЭС и ШОС, где Россия обладает авторитетом и благодаря которым способна продвигать модель евразийского дискурса с акцентом на содержание экономических и социально-политических процессов на постсоветском пространстве и в пределах ближнего зарубежья [2, с. 61]. России нужны рынки, технологии и инвестиции для того, чтобы существенно укрепить положение в качестве одного из центров евразийской интеграции и не стать ещё одним звеном в чужих цепочках добавленной стоимости. Также открытым в мегапроекте остаются вопросы, сумеет ли Россия согласовать свои действия с другими региональными игроками, насколько прочны её отношения с Китаем (в том числе готова ли она в будущем конкурировать с ним или же станет органичной частью китайских проектов, наподобие «Один пояс и один путь») и как далеко может зайти её конфронтация с США и коллективным Западом.

Подводя итог, можно отметить, что все три региональных общности хоть и были искусственно созданы, но возникли не на пустом месте, а как реакция на международные процессы в конкретных географических ареалах. Барометром зрелости регионов, позволяющим говорить о его целостности, выступают устойчивые экономические и политические связи, культурные взаимосвязи и общность в восприятии и готовности противостоять вызовам безопасности. В этом отношении АТР представляется наиболее зрелым образованием, в котором преобладают интеграционные процессы и экономические связи; в ИТР ключевым фактором выступает безопасность. Что касается Большой Евразии, то этот регион слишком аморфен и нестабилен.

Все три метарегиона, по сути, напоминают геополитические конструкции, в которых особое место уделяется положению великих держав и конкуренции между ними. Огромное внимание во всех общностях отводится Китаю, причём в АТР и ИТР, инициированных американцами, в большей степени выражено стремление сделать действия Пекина управляемыми. Конструирование метарегионов демонстрирует сложность международных проблем, решение которых зависит в том числе от согласованности внешнеполитических позиций ведущих держав, определяющих повестку дня мировой политики.

Ввиду своего географического положения Россия способна быть органической частью всех трёх мегарегионов, и её будущий статус в мире будет зависеть от того, насколько она сможет справиться с ролью балансира внутренних и взаимных противоречий этих образований. В то же время не стоит исключать вероятность того, что России по силам создать собственную региональную конструкцию.

Литература

1. Аникин В. Геополитические аспекты стратегии взаимодействия стран Большой Евразии [Электронный документ] // Евразийские исследования, 02.08.2018. URL <http://eurasian-studies.org/archives/9597> (Дата обращения: 19.01.2019).
2. Анишкин А. А. Евразийский дискурс российской внешней политики: концептуальные ценностно-правовые составляющие // Управленческое консультирование. 2013. № 10. С. 61.
3. Бектимирова Н. Общий путь к уре-

- гулированию в Камбодже [Электронный документ] // Международная жизнь. 2010. № 10. URL <https://interaffairs.ru/jauthor/material/331> (Дата обращения: 21.12.2018).
4. К Великому океану-5. От поворота на восток к Большой Евразии. Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». – М.: 6. и., 2017. 47 с. С. 28–31.
5. Кортунов А. В. Индо-Пацифика или сообщество единой судьбы? [Электронный документ] // Российский совет по международным делам (РСМД) [сайт] URL <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indo-patsifika-ili-soobshchestvo-edinoi-sudby/> (Дата обращения: 24.12.2018).
6. Кофнер Ю. Большая Евразия. География и геополитика Большой Евразии [Электронный документ] // Российский совет по международным делам (РСМД) [сайт] URL <http://russiancouncil.ru/blogs/GreaterEurasia/34159/> (Дата обращения: 12.02.2019)
7. Лукин А. Л. Интеграционные процессы и институты в Азиатско-Тихоокеанском регионе. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. 246 с.
8. Kupriyanov Alexey. The Indo-Pacific Region and Russia [Электронный документ] // Valdai: Discussion Club [сайт], 14.11.2018. URL <http://valdaiclub.com/a/highlights/the-indo-pacific-region-and-russia/> (Дата обращения: 22.12.2018).
9. Medcale Rory. The Indo-Pacific: What's in a Name? [Электронный документ] // Электронное СМИ «The American Interest» [сайт] URL <https://www.the-american-interest.com/2013/10/10/the-indo-pacific-whats-in-a-name> (Дата обращения: 27.12.2018).
10. Samuels R. J. Securing Japan: Tokyo's Grand Strategy and the Future of East Asia. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 2007. 296 p.

Ivan N. ZOLOTUKHIN

Ph. D. (in Political Science), Associate Professor, International Relations Department, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).
E-mail: zolivnik@mail.ru

Russia in Changing Metaregional Structure of Eurasia

UDC 327

doi: [dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-2/48-57](https://doi.org/10.24866/2542-1611/2019-2/48-57)

*Asia-Pacific region,
Indo-Pacific region,
Greater Eurasia,
regionalism,
geopolitics,
Russia,
integration*

Foreign policy activities aimed at reducing the complexities of the international environment, in an effort to make its manifestations more manageable, determines the formation and development of regional entities including peculiar geopolitical, economic, and civilizational features. The article discusses the particularities of functioning of the regional processes in the Asia-Pacific, Indo-Pacific, and Greater Eurasia as a project region. Russia's interests, positions and initiatives in the three regional spaces, as well as its integration into the existing regional structures and posture in the existing coordinate system of the regional policy are emphasized.

For citation: Zolotukhin I. N. Russia in changing metaregional structure of Eurasia // Oriental Institute Journal. 2019. № 2. P. 48–57. doi: [dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-2/48-57](https://doi.org/10.24866/2542-1611/2019-2/48-57)

References

1. Anikin V. Geopoliticheskie aspekty strategii vzaimodejstviya stran Bol'shoj Evrazii [EHlektronnyj dokument] // Evrazijskie issledovaniya, 02.08.2018. URL <http://eurasian-studies.org/archives/9597> (Data obrashheniya: 19.01.2019).
2. Aniskin A. A. Evrazijskij diskurs rossijskoj vneshnej politiki: kontseptual'nye tsennostno-pravovye sostavlyayushhie // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2013. № 10. S. 61.
3. Bektimirova N. Obshhij put' k uregulirovaniyu v Kambodze [EHlektronnyj dokument] // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2010. № 10. URL <https://interaffairs.ru/jauthor/material/331> (Data obrashheniya: 21.12.2018).
4. K Velikomu okeanu-5. Ot povorota na vostok k Bol'shoj Evrazii. Doklad mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj». – M.: b. i., 2017. 47 s. S. 28–31.
5. Kortunov A. V. Indo-Patsifika ili soobshchestvo edinoj sud'by? [EHlektronnyj dokument] // Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD) [sajt] URL <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indo-patsifika-ili-soobshchestvo-edinoj-sudby/> (Data obrashheniya: 24.12.2018).
6. Kofner YU. Bol'shaya Evraziya. Geografiya i geopolitika Bol'shoj Evrazii [EHlektronnyj dokument] // Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD) [sajt] URL <http://russiancouncil.ru/blogs/GreaterEurasia/34159/> (Data obrashheniya: 12.02.2019).
7. Lukin A. L. Integratsionnye protsessy i instituty v Aziatsko-Tikhookeanskom regione. – Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2009. 246 s.
8. Kupriyanov Alexey. The Indo-Pacific Region and Russia [EHlektronnyj dokument] // Valdai: Discussion Club [sajt], 14.11.2018. URL <http://valdaiclub.com/a/highlights/the-indo-pacific-region-and-russia/> (Data obrashheniya: 22.12.2018).
9. Medcale Rory. The Indo-Pacific: What's in a Name? [EHlektronnyj dokument] // EHlektronnoe SMI «The American Interest» [sajt] URL <https://www.the-american-interest.com/2013/10/10/the-indo-pacific-whats-in-a-name> (Data obrashheniya: 27.12.2018).
10. Samuels R. J. Securing Japan: Tokyo's Grand Strategy and the Future of East Asia. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 2007. 296 p.